

От автора

В Афинах проживает большое количество бизнесменов, да и просто работников по найму из России, Украины и других стран бывшего Советского Союза. Некоторые из них очень и очень богаты. Представители именно этого сообщества стали главными героями романа.

Пусть читателя не смущает тот факт, что события в романе в основном происходят в Греции и во Франции, — персонажами все равно являются лица русского происхождения.

Я вновь обманывал себя,
Искал извне твое отображенье,
Которое ковром огня
Скрывалось в мрачном потускненье.

Сейчас я, в руки взяв перо,
Вдохнув в себя горячий воздух
Хоть строчку из того огня
Пытаюсь вытянуть с тоскою.

Она велит мне без конца
Водить стрелою по бумаге,
И я сейчас сижу без сна,
Сгорая страстью не людскою.

Во снах я видел образ твой,
В мечтах я ощущал желанье,
И вновь дрожащею рукой
Пускаю искры по тетради.

Зачем являешься ты мне?
Ведь странник я своей планеты.
И в ней я проживаю сон такой,
Извне ищу я созерцанье.

Опять прильнула ты ко мне,
Слаща тем страстным повтореньем,
Когда увидел я тебя
В мечтах далекого забвенья.

Я взбудоражился, привстал,
Схватив виски в свои ладони,
Подумав, чушь я отогнал,
И поспешил писать в агонии.

Ступеньки быстро пролетев,
Зажег свечу, и на бумаге
Пишу я тот заветный свет,
Который бликом стал в тумане.

Я написал тут пару строк
И призадумался над ними
В тиши ночной, где гром не впрок,
Где рыскают ночами нимфы.

О да, прекрасна ты во снах!
В моих заветных воображеньях,
Но, просыпаясь в этом мире,
Тебя я вижу только там —
В своем прекрасном отраженье.

Когда ты вновь придешь ко мне,
Взывая из прозрачной дали,
Я не помчусь искать извне,
Ведь ты в моем квадратном Зазеркалье.

Руслан П. Юрьев

*И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине:
Я по тебе — в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.*

С. Е.

Пролог

Он посмотрел на серую воду. Побывать в Париже и не прокатиться по Сене?

Молодой парень поправил волосы правой рукой, осмотрелся и опять перевел взгляд на реку. Да, он учился в Париже уже почти год, но прокатиться на речном трамвайчике как-то не доводилось. Прогулка наверняка была бы впечатляющей. Еще бы! Столько достопримечательностей можно увидеть за небольшой промежуток времени, да к тому же с плавно покачивающейся палубы.

Осенний день был пасмурный, но возле билетной будочки толпились люди. Одни беззаботно болтали, дожидаясь своей очереди, другие протягивали мятые бумажки в окошко кассы. Чуть подалше был пришвартован прогулочный трамвайчик. Из громкоговорителей доносилась романтическая мелодия, предвещающая незабываемую прогулку по столице. Время от времени музыка прерывалась сообщениями о том, сколько осталось до отправления.

Молодой студент опять поправил волосы, но на этот раз левой рукой. Затем тщательно порылся в кармане, как будто пытался найти там луидор. Пожалуй, стоит попробовать. Завтра он улетает домой, неплохо было бы

прокатиться по знаменитой реке, да и цена была вполне приемлемой, так что он мог себе позволить.

— Чуть правее, чтобы было видно Эйфелеву башню, — слышался голос туриста, который, обнимая свою подругу, пытался вместить себя и спутницу в красивый кадр.

Студент почесал щеку, на которой пробивалась щетина. Затем вновь огляделся по сторонам.

— Пять минут! Через пять минут наш трамвайчик отходит, чтобы начать незабываемую прогулку по исторической части Парижа, — продолжал вещать голос из динамика.

Взгляд парня, неопределенно блуждающий по сторонам, наконец остановился на кассе. Очередная рука протянулась к окошку, обменивая деньги на билет. В воздухе можно было уловить слабый запах жареной кукурузы вперемешку с сыростью.

Прогулка и правда обещала быть интересной. От Эйфелевой башни, мимо острова Сите и обратно, к исходной точке. Можно полюбоваться красивыми памятниками, набережными, мостами и другими достопримечательностями. Он столько слышал об этом маршруте, но прокатиться по Сене как-то не получалось. Все его время было занято учебой и общением с друзьями, и, конечно, он побывал в Лувре. И вот сегодня он наконец решился насладиться Парижем с палубы речного трамвайчика.

Но более веской причиной — и он осознавал это в глубине души — было кое-что другое. Кое-что увиденное им, когда он смотрел на будочку, в которой продавались билеты. Именно это и побудило его подойти и протянуть в окошко руку.

— Один билет, *s'il vous plait*.

Купив билет, студент вскоре оказался на палубе. От близости воды стало прохладнее. Он приподнял воротник куртки, достал измятую пачку сигарет, закурил и вновь огляделся, в этот раз медленнее, как будто он выискивал что-то конкретное, словно хищник в джунглях Кении. Взгляд его на несколько секунд остановился в определенной точке, затем бегло скользнул дальше.

Пик Эйфелевой башни, казалось, стремился разрезать постепенно сгущающиеся тучи. Часть туристов ушли вниз, чтобы спрятаться от возможного дождя, однако большинство остались наверху, в открытой части; они непрерывно щелкали камерами и восхищенно переговаривались.

Трамвайчик задрожал — включился движок. Студент, стоявший на корме, увидел, как заклокотала вода. Отдали концы, и экскурсия началась. Из динамиков лилась негромкая мелодия саксофона, что было намного лучше назойливого голоса гида, бубнящего о красотах старого города. Докурив сигарету, студент бросил окурочок в бурлящую воду и стал продвигаться к центру палубы.

— *Excuse me*, — произнес он, проходя мимо какого-то иностранного туриста, который снимал на видео прогулку.

Еще пара шагов — и студент оказался посередине левого борта. Трамвайчик проплывал мимо Лувра, и парень подумал, сколько же произведений искусства он в себя вмещает. Вспомнил таинственную улыбку Джоконды, вспомнил, почему-то, что Леонардо писал ее с применением техники сфумато, вспомнил, как много людей хотели посмотреть именно эту картину. Потом

его мысли сменили вектор. Он едва заметно улыбнулся. Конечно, прогулка на трамвайчике по Сене — это прекрасно, но в глубине души он сознавал, что взойти на эту палубу его побудило кое-что другое. Зачем прятаться от своих желаний и страстей? Он еще раз улыбнулся и кинул беглый взгляд через плечо, задержав его в определенном направлении. Как бы невзначай, мимолетно...

Трамвайчик продолжал плыть вперед, оставляя за собой шлейф белой пены. Впереди показался мост, и снова защелкали камеры. Студент тоже вытащил свою компактную цифру. Все-таки завтра он улетает, стоит запечатлеть город с необычного ракурса. Сделав несколько снимков, он посмотрел на небо: да, так и есть, дождя не миновать. Он прожил в Париже достаточно долго, ознакомился со всеми сезонами года, и научился предсказывать погоду. По набережной прогуливались парочки, кто-то обнимался. Именно таким и представляют себе этот город туристы. Париж — уголок любви. Небольшие деревья, напоминающие раkitник, свешивали ветви на вымощенную камнем набережную. Вдалеке показался *Notre Dame de Paris*. Пассажиры как по команде направили свои камеры в сторону приближающегося собора. Он был безусловно красив! Так же считал и студент, видевший собор много раз до этого, но никогда со стороны Сены.

Сделав несколько снимков, он перевел камеру правее и ниже, по направлению к носовой части палубы, и нажал на *zoom*, увеличивая масштаб изображения. Сердце забилось сильнее, и он даже осмотрелся, словно хотел удостовериться, что никто не слышит гулкие

удары. Заглянув в объектив, он спустил затвор. Однозначно, то, что было запечатлено на последнем снимке, интересовало его куда больше, чем собор и красивые набережные с перекинутыми через них мостами. Это и было самой главной причиной приобретения билета.

Опустив руку с камерой, студент опять поправил волосы и еще прошел в сторону носовой части. Тучи продолжали сгущаться, стало темнее. Прохладный воздух приятно щекотал кожу.

Эйфелева башня позади теперь напоминала обелиск бронзового цвета, шпиль которого прятался в темно-серых тучах. Это было очень красивое, пожалуй, даже уникальное зрелище. Сверкнула молния, и тут уже все туристы обратили взоры к небу. Кто-то недовольно ахнул, выражая досаду по поводу близости дождя. Но студента непогода не волновала. Выйдя на носовую часть, он облокотился на перила борта и бросил взгляд на серую воду. Серые тучи — серая вода, как в огромном зеркале. Мелькнула мысль: все отражается, как в зеркале. В наших душах отражаются наши желания, в наших действиях отражаются наши стремления, а в наших мыслях отражается наша сущность. Все вокруг было красиво: и Сена, и Лувр, и мосты, и прекрасный *Notre-Dame de Paris*, и романтические набережные. Все дышало историей. Но сейчас это не интересовало молодого парня. Главная причина того, почему он сегодня оказался на речном трамвайчике, находилась в нескольких метрах от него. Пора посмотреть правде в глаза, это и был источник, побудивший его к действиям.

Он позволил себе отдаться истинному желанию. Желание это, вышедшее из тумана подсознания, приняло

конкретную форму и стало осязаемым, наполнилось зримыми характеристиками. Студенту стало приятно и легко. Даже серость дня казалась красочной и певучей. Музыка саксофона лилась не только из динамиков, но отовсюду, из каждой опоры моста, из каждого камешка набережной, с каждого листика деревьев, растущих вдоль Сены. Река пустилась в пляс с небом, и невозможно было не любоваться этим танцем. Все вокруг бурлило пылкой страстью.

Молодой человек повернул голову налево и вновь взглянул на нее. Да, она была очень привлекательной! Туристы, пока не было дождя, продолжали фотографировать достопримечательности, но его сюда привела красота этой девушки. Она стояла вполборота к нему и пыталась подобрать подходящий ракурс, чтобы сделать снимок какого-то старинного здания. Пряди ее золотых волос, слегка взлохмаченные ветром, были прекрасней диадемы, а на чудесном лице застыло выражение сосредоточенности. Именно ее, эту девушку, он заметил, когда она покупала билет. Именно она или, скорее, ее красота побудила парня принять решение совершить прогулку. Он не хотел потерять девушку из виду, ему хотелось продлить момент, хотелось еще раз взглянуть на нее, насладиться ее красотой. Можно было признаться себе в этом: он визуализировал свое желание.

Еще несколько секунд парень смотрел на девушку, потом перевел рассеянный взгляд на набережную, дабы его внимание не стало слишком очевидным для других.

Вдалеке послышались раскаты грома. По губам парня скользнула легкая тень улыбки. Приятное чувство

заполнило его сознание. Взгляд его обратился к Парижу.

Подобно тому, как тучи мягко окутывали шпиль Эйфелевой башни, так и его окутывали грезы и мечтания. Студент настолько увлекся игрой воображения, что едва ли заметил первые капельки дождя. Раздосадованные туристы потянулись на закрытую стеклом палубу. Студент машинально зашагал в том же направлении, но потом, замедлив шаг, остановился и оглянулся, как будто вспомнил что-то важное. Она стояла одна в носовой части трамвайчика и смотрела прямо на него. Их взгляды встретились. Сверкнула молния, как вспышка фотокамеры, запечатлевающая лица молодых людей. Его охватило сладострастное волнение. Он медленно поднял голову и снова посмотрел на темное, затянувшееся тучами небо.

С высоты птичьего полета можно было увидеть Париж, погруженный во мрак. Капельки дождя, вырвавшись из темно-серых туч, набирая скорость, неслись вниз. Одна капля крупнее других, как блестящая сфера, летела в направлении катера, который спокойно плыл по Сене. Молодой студент уже опускал голову, когда капелька упала прямо на его нижнюю губу. И в эту же секунду взгляд его встретился со взглядом незнакомки.

Внезапно сильный порыв ветра подхватил частицу капельки с губ студента, формируя другую капельку, поменьше. Эта капелька, подгоняемая ветром, понеслась дальше. Все замерло в это мгновение.

Поглядим на капельку, внутрь ее — она несет в себе одну историю.

СТРАННЫЕ МЫСЛИ

Максим Любимов вышел из ресторана и, повернув налево, пошел быстрым шагом вверх по улочке. Дойдя до первого перекрестка, он осмотрелся и, убедившись, что на дороге нет машин, перешел на другую сторону. Оказавшись на противоположной стороне, он уже спокойнее зашагал к автомобильной стоянке. Через полминуты он был у своей машины. Темно-синий спортивный «ягуар» выделялся среди остальных. Подойдя к машине, он остановился и в задумчивости посмотрел перед собой. Что-то, очевидно, озадачило его, повергло в глубокое размышление. Постояв так какое-то время,

Максим оглянулся и бросил взгляд в сторону ресторана. Неоновая вывеска над входом гласила: *Viona accoglienza*. Это был элегантный итальянский ресторан, где можно было отведать, пожалуй, самое лучшее спагетти *marinara* в Афинах. Это заведение предпочитали многие, заглядывая поужинать с женой, девушкой или любовницей. Именно из этого ресторана Максим поспешно вышел несколько минут назад и, не оглядываясь, пошел к своему автомобилю.

Он продолжал в задумчивости смотреть в направлении *Viona accoglienza*. В его взгляде читалась озадаченность. Он выглядел, как человек, которого только что уличили в каких-то конспиративных деяниях. Немного погодя, Максим отвел взгляд и покачал головой из стороны в сторону, словно отрицал что-то. Две девушки, проходящие мимо, заинтересованно посмотрели на привлекательного мужчину, но он даже не заметил их.

Легкое дуновение теплого летнего ветерка пощекотало кожу, и Максим, наконец очнувшись, открыл дверцу и опустился на сиденье. Он еще раз отрицательно качнул головой, перебирая мысли. Мысли... Затем посмотрел в лобовое стекло и только сейчас заметил залитую золотом дорогу. Мокрый асфальт, как зеркало, отражал свет фонарей. Освежающий дождичек только что пробежал волной по этой части пригорода Афин, придав ей волшебный блеск.

Максим провернул ключ зажигания, и под капотом заурчал мощный 8-мицилиндровый мотор. Он бросил еще один взор на ресторан. «Надо поехать домой и все обдумать», — решил он и, выехав со стоянки, вдавил педаль в пол. Машина плавно набирала скорость,

и неоновая вывеска ресторана быстро удалялась в зеркале заднего вида. Он посмотрел на часы — 21:21. Приостановился на перекрестке и, не дождавшись зеленого, повернул направо и выехал на главную дорогу. Опять нажал на газ. Третья, четвертая скорость... Машина легко разгонялась по извилистой дороге, тянувшейся вдоль берега моря. В этом южном пригородном районе уличное движение не такое насыщенное, особенно в будние дни, следовательно, можно позволить «ягуару» проявить прыткость, дать ему разогнаться. Дорога вела на юг вдоль побережья. Он проскочил мимо маленького озера. Поговаривали, что не один дайвер отдал свою жизнь, пытаясь достичь дна, но никому сделать это пока не удалось. Стоило ли оно того? Вопрос без ответа.

После каждого поворота машина набирала скорость. Мокрый асфальт шипел под покрышками. Дорога становилась все более извилистой, а каждый следующий поворот — все более непредсказуемым. «Наверное, надо было поехать домой через город», — мелькнула мысль. Но ему почему-то отчаянно захотелось прокатиться вдоль моря, а потом, вырвав на автостраду, попасть домой. Не самый короткий путь, зато без пробок и надоедливых светофоров.

Максим продолжал разгонять автомобиль, соревнуясь с собственными мыслями. Ему хотелось убежать от них, оторваться, но они догоняли его. Он думал о том, что произошло полчаса назад, о причине, которая ввергла его в это состояние. Все как-то спуталось, но одновременно и прояснилось. Чехарда какая-то: смятение сменялось осознанием, потом он снова испытывал

смятение и снова приходило осознание. Отчаяние вдруг породило ужасное слово: «самоубийство».

Погруженный в глубокие думы, Максим забыл, куда едет и зачем. «Ягуар», набрав хорошую скорость, мчался по прямому отрезку дороги, мокрой от дождя. Внезапно сквозь пелену мыслей прорвался какой-то звук. Странно, неужели кто-то решил сыграть на саксофоне в этот теплый летний вечерок, скрашенный морозящим дождиком?

Два нетерпеливых гудка прозвучали один за другим, ударяя по сознанию задумавшегося водителя. До Максима только сейчас дошло, что это автомобильный клаксон. Он быстро посмотрел на спидометр, потом вперед на дорогу и влево. Скорость была двести двадцать, на перекрестке чуть впереди — красный сигнал светофора. Слева мчался автомобиль. Доли секунды... Вот и перекресток.

Максим машинально еще сильнее нажал на педаль акселератора и закрыл глаза. Темнота поглотила его.

